

Авторские редакции «Прений с греками о вере»

Аннотация. Статья сообщает новые факты об истории создания Арсением Сухановым выдающегося публицистического произведения – «Прений с греками о вере». Предметом исследования являются найденный в РГАДА автограф Суханова и известный авторизованный список Посольского приказа в их сравнении с последующей рукописной традицией. Показано, как летом и осенью 1650 г. возникли три первые редакции памятника, из которых последнюю Суханов в декабре сам пустил в оборот. Раскрыты обстоятельства, в которых автор, начав с расследования дела об оскорблении государевой чести, вынужден был последовательно отражать в тексте аргументы полемики с греками, сложившиеся в систему обоснования первенства Русской церкви и царства в православном мире. Обоснован вывод, что значение «Прений» выходило за рамки произошедшего вскоре Раскола. Судьба автора и его идей, оказавших глубокое влияние на формирование идеологии XVII в., подтверждает этот вывод.

Ключевые слова: Арсений Суханов, «Прения с греками», патриарх Паисий Иерусалимский, Афон, Русская православная церковь, Восточная православная церковь, Посольский приказ, Москва, Константинополь, Новый Рим.

Abstract. The article reports new facts about the history of Arseniy Sukhanov's outstanding publicistic work, "Debate with Greeks on Faith". The central research objects of the study are the recently found autograph of Sukhanov and the famous authorised manuscript of the Posolsky Prikaz as compared to the subsequent manuscript tradition. The author demonstrates that during the summer and autumn of 1650 the first three versions of this source were created, the last of which was circulated in December by Sukhanov himself. The article reveals the circumstances under which Sukhanov, having initiated an investigation into the case of the affront to the sovereign's honour, as a consequence was forced to reflect in the text the arguments of the debate with the Greeks, which formed the system of substantiating the primacy of the Russian Church and of tsardom in the Orthodox world. The author substantiates the conclusion that the significance of "the Debate" lay outside of the forthcoming Schism of the Church. The fate of Sukhanov and his ideas, which had a major impact on the formation of the 17th century ideology, confirms this conclusion.

Key words: Arseny Sukhanov, "Debate with the Greeks", Patriarch of Jerusalem Paissy, Mount Athos, Russian Orthodox Church, Eastern Orthodox Church, Posolsky Prikaz, Moscow, Constantinople, New Rome.

«Прения с греками о вере», написанные Арсением Сухановым в 1650 г., вызывали немалые споры в историографии XIX [1, с.1–64] и XX–XXI веков [2, гл. 1]. Оспаривалось их авторство и время создания, хотя то и другое указано в тексте. Оспаривалась сама принадлежность памятника XVII веку, потому что аргументация «Прений» считалась слишком сильной. Для сомнений в подлинности текста имелись серьезные причины. Сочинение было популярным в среде староверов конца XVII–XIX вв. и имело много редакций, отражавших поздние реалии. А главное – было трудно объяснить, почему сильнейший публицистический памятник старой веры датирован временем до начала Раскола.

Датировка и атрибуция «Прений» Суханову основывались на их тексте. «(7)158-го марта в 30 день, едуци с Москвы, живоначальные Троицы Сергиева монастыря старец Арсений Суханов» начал спор с греческим духовенством в Молдавии и Валахии. Старец продолжал прения, как указано в сочинении, 24 апреля, 9 и 11 мая, 1-4 и 6 июня того же 1650 года. Согласно посольским документам, он выехал из Москвы на Восток (но не доехал туда) вместе с Паисием, патриархом Иерусалимским и всей Палестины, 10 июня 1649 года, и действительно жил в местах, указанных в «Прениях». Об этом подробно рассказывает его статейный список – отчет в Посольский приказ [3]. Арсений вернулся в Москву 8 декабря 1650 г., чтобы 24 февраля

получить посольские инструкции для новой поездки на Восток (1651–1653), за которой немедленно последовала чрезвычайно удачная археографическая экспедиция на Афон (1653–1655).

Более верный, археографический путь решения проблемы авторства «Прений» использовал в конце XIX в. С. А. Белокуров. В основу исследования он положил обнаруженный С. М. Соловьевым список «Прений», поданный Сухановым в Посольский приказ в декабре 1650 г. Переписанные почерками трех подъячих «Прения» были частью отчета Арсения о его поездке с патриархом Паисием. Датируются они точно. Устный отчет в приказе состоялся на следующий день после возвращения Суханова в Москву, 9 декабря. Письменный отчет он обещал принести «сего дни в вечеру» [1, с. 236]. Списки этих обещанных «в вечеру» текстов помещены в конце статейного списка [7, с. 216–217]. Суханов исполнил обещание. «Прения» были поданы в Посольский приказ вечером 9 декабря и включены в статейный список [3, л. 45–53].

При издании статейного списка Белокуров вынужден был выделить «Прения», не только потому, что знал их как отдельное публицистическое произведение. Архивный список (далее Арх.) пострадал от времени, даже в большей мере, чем остальная рукопись. Часть его текста, особенно в конце, была утрачена. Восполнение лакун требовало обратиться к другим рукописям «Прений» – в отличие от уникального текста остальной части статейного списка [6].

Но реконструкция авторского текста «Прений» 1650 г. оказалась не так проста, как хотелось бы после столь блестящей находки. Проблемы возникли и с самой рукописью, и с последующей традицией «Прений». Прежде всего, Арх. был авторизованным черновиком, написанным подъячими, не всегда хорошо понимавшими текст, и не очень внимательно выправленным Сухановым, который очень спешил, но сделал в рукопись несколько добавлений [7, с. XXX–XXXII]. Затем оказалось, что последующую рукописную традицию «Прений» едва ли можно возвести к Арх. С этим археографы столкнулись на практике. Сначала Белокуров решил восполнить пробелы и исправить неудачные чтения Арх. по списку Московской духовной академии XVIII в. (далее МДА), который, как он считал, «верен почти везде с буквальной точностью подлиннику» [6, с. 5]. За ним Х. М. Лопарев, используя при подготовке текста к публикации под редакцией Н. И. Ивановского те же два списка, выска-

зал обоснованное мнение, что в рукописи Арх., исправленной самим автором, встречаются несомненные ошибки и опiski, которые не были замечены Арсением и ... которые исправляются списком МДА; см. публикацию [5, с. 327–359]. Дальнейшая работа показала Белокурову, что МДА – «плохой список «Прений», изобилующий различными ошибками, пропусками и вставками, имеющий в некоторых местах совсем непонятное чтение» [1, с. СXXXII]; эту рукопись ученый отнес к группе наименее исправных списков [7, с. XXII, XXVII]. При подготовке нового издания памятника ученый провел более основательную работу по выявлению и текстологическому изучению рукописей. Он обнаружил группу списков, не содержащих смысловых разночтений с Арх., и выделил редакции текста с раскольничьими дополнениями. Таким образом, исследователь получил возможность установить состав авторского текста. Рукописи без позднейших дополнений были объединены в три группы на основе общих разночтений с Арх. Ведерниковский список (далее В), оказался вне этих групп. Его Белокуров и счел наиболее подходящим для восстановления утраченных частей авторского текста, хотя В относится к концу XVIII – началу XIX в. Издав Арх. с реконструкцией по В и разночтениями по 17 спискам [7, с. 25–101], Белокуров предположительно восстановил историю текста, начиная с момента подачи его автором в Посольский приказ [7, с. XIII–LXIV].

Наличие в Арх. ошибок и описок, отсутствующих в более поздних не авторизованных списках, несомненно. Но по каким спискам их исправлять, а тем более заполнять лакуны в тексте? Ведь трудно предположить, что Арх., сохранившийся в свитке Посольского приказа, пошел по рукам – хотя такое случалось с рукописями приказа, которые в XVII в. попадали в частные руки [8, с. 46–59]. Если в основе рукописной традиции «Прений» лежал не Арх., а другой список, пущенный в оборот Сухановым, то как датировать и как восстановить его текст? Для реконструкции текста «Прений» как памятника публицистики логично было обратиться к текстологическому исследованию всей рукописной традиции, не пытаясь привести ее к Арх. Белокуровым был выявлен и опубликован 21 список «Прений». Я обнаружил и исследовал еще 16 [9, с. 175]. 7 списков (не считая автографов) датируются XVII веком; в них выявлено 2 варианта дополнений, сделанных около 1658 г. на Соловках и в 1665 г. в Москве. 17 списков относятся к

XVIII веку; из них 3 основательно обработаны и дополнены, 7 отражают производные редакции. 11 списков были сделаны в XIX в. Сравнение текстов показывает, что эти рукописи представляют малую часть бытовавших в XVII–XIX вв. списков. Действительно, их продолжают находить [10, с. 162–167]. Многочисленные обработки текста «Прений», следовавшие вскоре после появления сочинения, убедительно свидетельствуют о его значении для публицистов и книжников. Но для восстановления текста, который создал в 1650 г. Суханов, и который только он, сознательно или случайно, мог пустить в оборот, текстологических данных недостаточно.

Решение этой и других проблем, вполне в духе Арсения, дала находка новой рукописи. В Рукописном отделе МГАМИД мне удалось обнаружить прекрасно сохранившийся автограф «Прений» [11], далее – список МГАМИД. Текст помещен в кодексе после Хронографа 2-й русской редакции [12с. 131–204], по палеографическим признакам, переписанного группой писцов под руководством Арсения между 1642 и 1649 гг. [9, с. 178], когда Арсений исполнял в Троице должность строителя Богоявленского монастыря [1, с. 158–164]. Суханов руководил переписчиками и проверял их работу. Он правил и дополнял рукопись, написал оглавление, вставил на чистых местах и на полях пропущенные писцами заголовки.

Автограф «Прений» написан на более поздней бумаге. Она идентична бумаге документов, написанных Арсением уже во время первой и неудачной поездке на Восток: челобитной от 6 мая 1649 г., поданной перед его отъездом из Москвы с Паисием [13, л. 1], отписки из поездки в Посольский приказ от февраля, не ранее 11, 1650 г. [13, л. 76] и перевода с греческого языка «Проречения над гробом Константина Великого», также поданного в приказ [3, л. 35–36]. Эта бумага, судя по идентичному по водяному знаку и интервалам между понтюзо, была изготовлена на одной проволочной (филигранной) сетке, отпечатки которой идентифицируются не менее точно, чем отпечатки пальцев [14]. Предположение о периодической закупке ее Арсением невероятно, поскольку на каждой бумажной мельнице использовалось одновременно несколько сеток, и даже в одну торговую партию попадала в сравнительно небольшом объеме бумага с разных сеток (хотя и с очень схожими водяными знаками). У автора имелся запас этой бумаги, который он расходовал бережно: менее

значительные документы написаны им на бумаге худшего качества [3, 19]. Этот запас он взял в поездку. Три названных документа написаны разными чернилами, но перевод с «Проречения» – основными чернилами списка МГАМИД и идентичным написанием, что свидетельствует об одновременном создании беловиков обоих произведений во второй половине 1650 г. (до настоящего времени перевод «Проречения» не был датирован). Впоследствии у Арсения такой бумаги не было. Логично предположить, что МГАМИД и «Проречение» были перебелены им до прибытия в Москву 8 декабря 1650 г., когда он начал писать на другой бумаге.

Это предположение само по себе шатко: почему сочинения не могли быть написаны на запасенной и оставшейся от поездки бумаге уже в Москве? Там как раз шли ожесточенные споры ревнителей благочестия, отстаивавших греческое раздельноречное пение, с поборниками русской старины, на стороне которых фактически – и очень красноречиво – выступил Суханов. Использование старой бумаги для одних рукописей и новой – для других, в принципе возможно. Но мое исходное предположение подкрепляется изучением других признаков МГАМИД. Это беловик, аккуратно написанный темно-коричневыми чернилами, такими же, какими написано «Проречение» (далее Ч-1). Ими автор исправил ошибки, допущенные им при переписке текста, и сделал небольшую смысловую правку. Суханов перебелил, выверил и доработал текст, который рассматривался им как окончательный. Но затем он вернулся к сочинению, внося более беглым почерком и светло-коричневыми чернилами (далее Ч-2) редакционные поправки и дополнения. Их объемом и изобилием беловик был безнадежно испорчен. Зато появилась новая, вторая редакция памятника. Сравнение показало, что текст Арх. восходит к ко второй редакции МГАМИД. Он стал третьей и последней авторской редакцией «Прений», поданной в Посольский приказ, как мы помним, сразу после возвращения Суханова в Москву. Значит, предположение о написании обеих редакций МГАМИД в поездке справедливо.

Текстологическое исследование [9, с. 179–186] четко показало, что текст МГАМИД первичен по отношению к Арх. Правка, произведенная в МГАМИД, перенесена в Арх. В Арх. отсутствуют слова, зачеркнутые Арсением при исправлении МГАМИД. Вторичность Арх. хорошо видна при вычеркивании в МГАМИД слов

«И старец» в начале фраз: 26 раз они были вычеркнуты Ч-2 – и каждый раз отсутствуют в Арх., но в 15 случаях они оставлены в МГАМИД и читаются в Арх. Сделанные в МГАМИД при правке и редактировании вставки переходят в основной (писанный писцами) текст Арх. Но изменения, внесенные рукою Суханова в текст Арх., не отразились в списке МГАМИД. Кроме того, Арх. изобилует писцовыми ошибками, не имеющимися в МГАМИД. Часть их исправлена рукой Суханова: исправленные варианты, как правило, приводятся в соответствие с МГАМИД.

Но из того, что МГАМИД первичен и, более того, протографичен по отношению к Арх., не следует, что Арх. скопирован писцами с отредактированного Сухановым списка МГАМИД. Прежде всего, Арх. полнее, чем МГАМИД. На л. 352 МГАМИД почерком правки (Ч-2) вписано: «зде писать патриархов вопрос майя в 8 день». В соответствующем месте Арх. читается большой текст о дискуссии в Тирговиштах 8 и 9 мая [7, с. 43–53]. Правда, нельзя утверждать, что этот текст не мог быть вставлен в Арх. после написания списка: он писан с нового столбца новым почерком, и следующий за ним текст написан другим почерком и с нового столбца [3, л. 45–53]. На л. 356 об. МГАМИД была приписана Ч-2, а затем зачеркнута вставка с неточно переданной евангельской цитатой, которая в Арх. поправлена, а ее толкование значительно расширено [7, с. 85–87]. Приписка в МГАМИД отражает замысел полемического оборота, а в Арх. читается готовая статья с развернутой аргументацией. Аналогично на л. 360 МГАМИД Сухановым был сделан значок вставки, под которым на нижнем поле новыми чернилами (Ч-3) записана мысль, что греки были источником веры прежде, когда христианство было единым, но затем папа пал, а греческие патриархии пришли в ничтожество. В тексте Арх. эта идея развернута в тезис, что греческая церковь благоденствовала только при православном царе, место которого ныне занимает единственный благочестивый московский царь, а место папы им поставлен Московский патриарх [7, с. 86–87].

Очевидно, что между списками МГАМИД и Арх. имелся еще один список, в котором были учтены и развиты поправки, внесенные Сухановым в МГАМИД. Назовем этот промежуточный список Х. Наличие списка Х доказывается и другим путем. Правки в Арх., которые служили исправлению писцовых ошибок, отражаются в поздних списках в том случае, когда правиль-

ное чтение есть и в МГАМИД. Когда же исправлению подвергается чтение МГАМИД, то текст в группе списков [7] Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3 и Н (назовем их 1-й группой), как правило, не отражает поправку. Если последнее правило указывает, что 1-я группа списков происходит не от Арх., то разночтения, составляющие исключение из этого правила, заставляют предполагать существование производного от Х списка У, протографичного 1-й группе, так как в этом случае первоначальные чтения Арх. представляют собой ошибки, сделанные при переписке Арх. с Х, совпадающие с МГАМИД, но отличные от 1-й группы. Наконец, разночтения, фиксирующие отраженные списками 1-й группы первоначальные (ошибочные) чтения Арх., отличные от МГАМИД и исправленного списка Арх., прямо показывают наличие между МГАМИД и Арх. списка Х. Происхождение списков 1-й группы от У подтверждается большим числом одинаковых разночтений с МГАМИД и Арх. Их анализ показывает, что не только списки 1-й группы, но все позднейшие списки (В, Т, А, Г, Б 1 и выявленные мной) отразили отличные от Арх. чтения МГАМИД; они имеют также значительное число отличий с 1-й группой разночтений с Арх.

Это позволяет утверждать, что рукописная традиция «Прений» восходит к списку У, ведущему происхождение от МГАМИД, но не через Арх, поданный Сухановым в Посольский приказ, а через список Х, который Арсений основательно доработал по сравнению с МГАМИД и с которого он сделал писцовую копию – Арх. Отсюда следует вывод, что Суханов сам занимался распространением сочинения, сделал как минимум две копии с Х (Арх. и У). Арх. он подал в Посольский приказ, а лучше выверенный У передал кому-то, кто пустил его в дальнейшую переписку. Последнее принципиально для воссоздания истории текста «Прений» как публицистического произведения. Задачей текстологического исследования должно быть не «восстановление» Арх., а реконструкция текста окончательной авторской редакции Х по Арх. и спискам I группы. Только затем может следовать изучение неавторских редакций XVII–XIX вв.

Для изучения смысла работы Суханова над «Прениями» важнее всего понимание, что основную работу над текстом он вел в поездке, по горячим следам событий, которые описывал. И, благодаря палеографии, мы сегодня точно знаем последовательность этой работы. Таким образом, благодаря археографическим поискам,

«Прения» из произведения в высшей мере загадочного превращаются в хорошо знакомую нам авторскую публицистику XVII в., дошедшую в черновых и беловых автографах, позволяющих последовательно рассмотреть работу «творцов» над их содержанием и формой [15, 16].

Три авторские редакции «Прений» отражают развитие мысли публициста весной-осенью 1650 г. Уже первая редакция – беловик МГАМИД, написанный и поправленный Ч-1, представляет собой законченное блестящее произведение в форме расследования, переходящей в форму диалога. Расследование дела об оскорблении государевой чести путем сожжения книг государева Печатного двора греческим духовенством на Афоне было прямой обязанностью Суханова как агента Посольского приказа. В редакции «Прений», поданной в приказ в составе Статейного списка, и в редакции У, которая легла в основу последующей рукописной традиции, следственные материалы оказались разрозненными – между ними появились вставки на другие темы, в том числе большие. В рукописной традиции эти вставки возросли. Но беловик первой редакции МГАМИД показывает, что Суханов провел расследование основательно, не отвлекаясь, и первоначально излагал дело шаг за шагом, в соответствии с традицией статейных списков по розыскным делам [14, с. 239–240, 250].

Инициативными документами розыскных и обыскных дел в XVI–XVII вв. обычно были изветы; московские чиновники и местные губные старосты редко (по имеющимся документам) начинали дело сами, взяв преступника с поличным. 30 марта 1659 г., заночевав в сербском монастыре в Молдавии, Суханов услышал от игумена рассказ о сербском монахе на Афоне, которого греческая братия поставила на собор и жестоко смиряла за то, что он крестится по-московски (двумя перстами). Арсений записал этот извет, выделив три книги московской печати, на которые ссылался сербский старец, и которые были сожжены вместе с согласующейся с ними сербской рукописью. Половину извета составляло описание мотива преступления: древней ненависти греков к сербам, которые, невзирая на сопротивление Константинополя, получили от святого Кирилла, болгарина, по благословию благочестивого папы, собственную письменность, а затем и независимую иерархию. Взаимная ненависть вытекала из гордыни греков, мечтавших властвовать над славянами: «и тое де ради гордости, – записал Суханов извет, – греки

и царство свое потеряли», и благочестие утратили [11, л. 348 об.–349].

9 апреля Арсений приехал в греческий монастырь в Тырговиштах. Здесь остановился патриарх Паисий, с которым Суханов должен был ехать в Иерусалим. 24 апреля у посланника состоялась обстоятельная беседа с патриархом, его свитой и местными учеными-дидаскалами, среди которых был еще малоизвестный учитель Паисий Лигарид [11, л. 349–352]. Арсений представляет дело так, что именно греки были инициаторами обсуждения вопроса о разнице между славянским и греческим перстосложением. Если извет, как положено, был монологом, то здесь Арсений передает диалог, собственно прение сторон. Одну сторону представляет он, привлекая труды Максима Грека, приехавшего, как подчеркивает Арсений, с Афона. Другую – патриарх и греческие архиереи, величающие Максима еретиком и тем самым укрепляющие связь диалога с изветом, согласно которому греческие афонские монахи порицали его взгляды. Третью – ученый грек Паисий Лигарид, который одобрил крестное знамение по московски и заявил об отсутствии оправдания греческому троеперстию. Напомню, что Лигарид, учившийся, как и Максим Грек, в Италии, а в 1650 г. преподававший в школе Валашской митрополии, где литургическим был церковно-славянский язык, в будущем приедет жить в Москву. В противостоянии обрядности греков и славян (русских, сербов и болгар, к которым в диалоге добавлены православные Речи Посполитой – до присоединения к России части Белоруссии и Украины еще четыре года) включаются «про-московские» греки.

В редакции, поданной в Посольский приказ, за диалогом 24 апреля появятся почти столь же обширные, но еще более острые прения в том же монастыре 8 мая, развивающие тему о том, являются ли греки для всего мира и для славян «источником веры». В беловике МГАМИД Суханов от этого удержался. Установив, что в вопросе о крестном знаменнии, из-за которого были сожжены московские книги на Афоне, греки не могут обосновать их позицию источниками, он сразу перешел к извету учителя Григория – русина, видимо, преподававшего в школе митрополита Стефана вместе с Лигаридом. 11 мая Григорий известил Арсения об угрозе со стороны епископа Орхидского Даниила «сломать ему рога», когда московский посланник приедет в Османскую империю из вассальной туркам, но

нейтральной в церковном отношении Валахии [11, л. 352 об.].

Личные угрозы Арсения не заинтересовали, хотя сам патриарх Паисий Иерусалимский объяснял, не ехал домой потому, что боялся убийства со стороны патриарха Константинопольского Парфения II. В Статейном списке 1651–1653 гг. Суханов доложит, как Паисий в 1651 г. ликвидировал Парфения с помощью турок и наемных убийц [1, с. 255]. Не случайно Паисий станет главным отрицательным героем во всем «Проскинитарии» [2].

Записывая извет Григория, Арсений сосредоточился на признании Даниила за трапезой у митрополита Стефана, что «книги де московския присудил я сожечь на огне». Суханова уже не удивляло, сколько греческих архиереев, бросив свои епархии, живут в относительно спокойной Валахии. Сложившаяся ситуация облегчила ему розыск о сожжении книг. 1 июня патриарший поп Иоасаф сообщил Арсению, что в ответ на прямой вопрос Даниил при перечисленных свидетелях признался, что приказал сжечь книги. В тот же день Иоасаф доложил об этом патриарху. При этом старец Амфилохий заявил, что был свидетелем сожжения государевых книг [11, л. 352 об.].

2 июня Суханов устроил распрос Амфилохия при патриархе, записав показания свидетеля сожжения московских книг. Причиной истязания старца Дамаскина, которого заставили бросить книги в огонь и отдали в заточение туркам, было то «сербин он, а не грек; греки де хотят, чтобы всем оне владели» [11, л. 353 об.]. 3 июня по требованию Арсения перед патриархом был допрошен епископ Даниил, который отрекался от сожжения «государевых книг», но на очной ставке был уличен Амфилохием [11, л. 354].

Суханову оставалось сформулировать обвинительное заключение, которое он огласил грекам: «У нас государь царь благочестивой, ереси никакой не любит, и во всей его государевой земли ереси никакой нету. А у печати сидят, книги правят избранная люди, к безпрестани над тем сидят; а над теми людьми надзирают по государеву указу митрополит, и архимарит, и протопопы, кому го сударь укажет, и о всяком деле докладывают государя и патриарха. То вы зделали не гораздо, что наругались над ево государевыми книгами. Хотя бы его царского имени устыдились, что в них писано: те книги печатаны его царским изволением» [11, л. 354 об.].

Во вторую поездку на Восток Суханов отправился в 1651 г. с заданием выяснить особенности греческих церковных правил, обычаев и ритуала. Возможно, именно упорство, с которым эти отличия заострялись в «Прениях», способствовало появлению такого задания. Только невнимательно читая «Проскинитарий» исследователи могли полагать, будто Арсений, зная греческую позицию царя Алексея Михайловича и нового (1652) патриарха Никона, воздержался от осуждения увиденного им на православном Востоке. Он не вел там отвлеченных споров, но почти весь его текст служил аргументом в полемике о сравнительном благочестии греческих и русских обрядов. В записке «О чинах греческих вкратце» он суммировал эту сильную аргументацию. История текста «Прений» помогает нам понять, что этот долгий спор для ученого книжника и уже достаточно опытного дипломата был вынужденным.

В первой редакции «Прений» мы четко видим, что в начальном споре о перстосложении Суханов приводит и требует книжных аргументов с учетом происхождения и возраста текста. Греки многократно ссылались на то, что они «источник вере», следовательно, правы, но Арсений долго не понимал их. Соглашаясь, что «вы преж нас крестились», он продолжал приводить и требовать конкретные доказательства [л. 350–351 об.]. Он реалистично отвергал идеи, что греки крестились от Христа – ведь в Иерусалиме жили «жиды и арапы»; что православные «в Польской земле» крестятся по гречески – ведь на деле это не так. Только по завершении следствия Суханов, оставаясь приверженцем исторической аргументации, принял спор об «источнике веры». И изложил, как я понимаю, все убеждения русских людей относительно независимости их веры и первенства их православия в мире, с присущей археографу основательностью.

Уже в первой редакции он обосновал убеждение, что «старее» – не значит лучше, ведь греки утратили древнее предание апостолов и святых отцов, а русские – сохранили. Четыре восточных патриарха также подвержены уклонению от правой веры, как папа – первый и главный патриарх. Живя среди басурман и учась у католиков, греки отступили от «апостольского правила», а Русь его сохранила [11, л. 357–358]. Все, что у греков было «доброе», перешло в Москву: благочестивое царство, патриарх вместо папы, церковь, которая превзошла великолепием

«второй Рим», мощи святых и даже «риза Спасителя нашего бога Христа у нас же» [11, 358 об.]. Приведя в тексте «Повесть о белом клобуке», сделанном императором Константином папе «вместо царского венца», Арсений объявил, что ныне патриарх всея Руси – первый святитель, а Москва заменила собой прежде благочестивые Рим и Царьград [11, л. 358 об.–359 об.]. Используя форму диалога все более литературно, внося слова греков как повод для развития своей мысли (и сделав тут потом максимальную правку), Суханов завершил текст патетическим ответом на притязания быть учителями русской церкви: «Слышите, греки, и внимайте, и не гордитесь, и не называйте себя источником, яко се ныне господни слово евангельское збылося на вас: были вы первии, а ныне стали последни; а мы были последнии, а ныне первии!» [11, л. 360].

Первоначальная (Ч-1) правка первой части (сыска) была строго уточняющей, второй – улучшающей позицию автора, но также подтверждающей достоверность событий. Однако еще в поездке Арсений бросился править рукопись новыми чернилами (Ч-2 и Ч-3), стремясь расширить свою аргументацию и иногда делая это невпопад. Переделывая второй и третий раз рукопись МГАМИД, он скорее набрасывал идеи, четко изложенные в третьей редакции, чем формировал готовый текст. Задуманная при правке беловика вставка прений 8 мая [11, л. 352] развернута в третьей редакции в обширный диалог 8 и 9 мая, начавшийся с разногласий в счислении лет от Рождества Христова и превратившийся в спор об авторитете всех восточных патриархов для Руси. Арсений решительно отверг этот авторитет, указав на то, что многие патриархи были еретиками, «того ради и царство ваше разорилось». Источник веры – Христос, а не греки, которые душат и топят своих патриархов, «и ныне в Цареграде» их сразу четверо! В отличие от Руси, греки отступили от правил святых апостол и решений вселенских соборов, приняв обливательное крещение и молясь храме вместе и иноверцами. И Евангелие впервые дано было не грекам: Матфей писал его евреям, Марк – римлянам; много позже Лука писал «к Феофилу князю», а Иоанн последним перевел все на греческий и написал свое. Вселенские соборы на еретиков – «вере не источник, но подкрепление». Вера передана миру апостолами. Они же, как уже говорилось в первой редакции, у греков и русских одинаковы: тех и других крестил (по преданию) апостол Андрей.

Другой хороший пример правки читаем в МГАМИД на л. 356. Неточно используя евангельскую цитату, Арсений записал Ч-2 резкую мысль о том, что соблазняющий глаз лучше вырвать, а руку или ногу отсечь: также и Московскому патриарху лучше не слушать патриархов восточных, «аще 4 патриархи не православны будут». Далее на л. 360 он вставил Ч-3 замечание, что «тогда нам греки источник были, егда от них учение о вере истекало по всею землю, ино тогда вначале был Рим во благочестии и во всех патриаршеских епархиях все было христианство. А ныне все стало пусто, папа пал, а у вас многия бусорманились, а иныя к папе от ступили и ко иным ересям. У Александрийского толко патриарха одна церковь. Ино вам источник пересох, перешел к нам»...

В окончательной авторской редакции, завершенной перед прибытием в Москву, из этих набросков развернуто разгромное сравнение жалкого положения восточных патриархов, способных «соблазн нам чинить своею слабостью», с православием Русского царства: «То ведь вам, греком, не мочно ничего делать без четырех патриархов своих, потому что в Цареграде был царь благочестивый един под солнцем, и он учинил 4-х патриархов, да папу в первых; и те патриархи были в одном царствии под единым царем, и на соборы збирались патриархи по его царскому изволению. А ныне вместо того царя на Москве государь царь благочестивой, во всей Подсолычной един царь благочестивой, и царство христианское у нас Бог прославил. И государь царь устроил у себя в своем царстве вместо папы патриарха в царствующем граде Москве, идеже и сам царь, а вместо ваших четырех патриархов устроил на государственных местех четырех митрополитов; ино нам мочно и без четырех патриархов ваших править закон божий, занеже у нас глава православия – царь православный. Ведь патриарх зовется потому, что имеет под собой митрополитов, архиепископов и епископов – потому патриарх. А ваш патриарх Александрийский над кем будет патриарх? Толко всего у него две церкви во всей его епархии, а не имеет под собою ни единого митрополита, и архиепископа, и епископа. Над ким он будет патриарх?» [7, с. 86–87].

Начав свое произведение как официальное расследование, Суханов был, несмотря на его сопротивление, втянут в спор об источнике веры. Он старался быть точным в передаче фактов и в более вольной форме – диалогов. Правя руко-

пись во второй и третий раз, Арсений перестал сдерживаться в аргументации. В результате с 30 марта до 9 декабря 1650 г. было создано публицистическое произведение, воплотившее не только суть расхождений с греками, но и максимально аргументированную позицию русского ученого по вопросу о месте в мире Русской церкви и православного царства. Именно то, что «Прения» – не выдуманый, не литературный спор,

сделало их содержание таким полным и в итоге убедительным для русского общества. Относить влияние памятника лишь к староверам – огромная ошибка. В 1676 г. Федор Алексеевич обновит в духе Суханова чин венчания на Российское православное самодержавное царство, а в 1680-х Сильвестр Медведев продолжит прения Арсения с греками, поставив русский критический разум выше любого авторитета [16, гл. 1, 5].

Библиография:

1. Белокуров С. А. Арсений Суханов. Исследование. Часть I. Биография Арсения Суханова. М.: Синодальная типография, 1891. 712 с.
2. Жарова И. Ю. «Проскinitарий» Арсения Суханова: историко-литературная основа и жанрово-поэтическое своеобразие текста: Диссертация канд. филол. Наук. М., МПГУ. 2013. 257 с.
3. Арсений Суханов. Статейный список 1549–1640 гг. РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. Стлб. 7157 г. № 8; перевод «Проречения над гробом Константи-на Великого» с греч. языка, л. 35–36; Прения с греками о вере, л. 45–53.
4. Арсений Суханов. Проскinitарий. Пространная редакция. РНБ. Собрание ПДА. № 317.
5. Проскinitарий Арсения Суханова: 1649–1653 гг. / Подгот. текста Х. М. Лопарев. Ред. и предисл. Н. И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3 (21). СПб.: Типография В. Киришбаума, 1889, XVII + 390 с. Прил. I: Статейный список Арсения Суханова: с. 301–326. Прил. II: Прения с греками: с. 327–359.
6. Белокуров С. А. Старца Арсения Суханова «Статейный список» и «Прения с греками о вере». [Включены «О чинех греческих вкратце», челобитные, отписки и проч.] М.: Синодальная типография. 1883. 69 с.
7. Белокуров С. А. Арсений Суханов. Исследование. Часть II. Вып. 1. Сочинения Арсения Суханова. М.: Синодальная типография, 1894. 372 с.
8. Шамин С. М. К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007 г. № 2. С. 42–59.
9. Богданов А. П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1989. М., 1989. С. 175–205.
10. Сморгунова Е. М. «Прения о вере» Арсения Суханова в изложении пермского старообрядческого книжника // Традиционная народная культура населения Урала: Материалы междунар. науч.-практ. конференции. Пермь, 1997. С. 162–167.
11. Арсений Суханов. Прения с греками о вере, первые авторские редакции. Автограф, беловик с правкой. РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. Оп. 1. № 659. Л. 348–360.
12. Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М.: Типография А.И. Мамонтова и К^о, 1869, 551 с.
13. Арсений Суханов. Челобитная и отписка в Посольский приказ. РГАДА. Ф. 52. 1649 г. № 22. Л. 1, 76.
14. Богданов А. П. Основы филиграноведения: история, теория, практика. М.: Эдиториал УРСС, 1999, 335 с.
15. Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: Институт российской истории РАН, 2001. 492 с.
16. Богданов А. П. Стих торжества: рождение русской оды, последняя четверть XVII – начало XVIII века. Ч. 1–2. М.: Институт российской истории РАН, 2012. 676 с.

References (transliterated):

1. Belokurov S. A. Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Chast' I. Biografiya Arseniya Sukhanova. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1891. 712 s.
2. Zharova I. Yu. «Proskinitarii» Arseniya Sukhanova: istoriko-literaturnaya osnova i zhanrovo-poeticheskoe svoeobrazie teksta: Dissertatsiya kand. filol. Nauk. M., MPGU. 2013. 257 s.
3. Arsenii Sukhanov. Stateinyi spisok 1549–1640 gg. RGADA. F. 52. Snosheniya Rossii s Gretsiei. Op. 1. Stlb. 7157 g. № 8; perevod «Prorecheniya nad grobom Konstanti-na Velikogo» s grech. yazyka, l. 35–36; Preniya s grekami o vere, l. 45–53.
4. Arsenii Sukhanov. Proskinitarii. Prostrannaya redaktsiya. RNB. Sbranie PDA. № 317.
5. Proskinitarii Arseniya Sukhanova: 1649–1653 gg. / Podgot. teksta X. M. Loparev. Red. i predisl. N. I. Ivanovskogo // Pravoslavnyi palestinskii sbornik. T. 7. Vyp. 3 (21). SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1889, XVII + 390 s. Pril. I: Stateinyi spisok Arseniya Sukhanova: s. 301–326. Pril. II: Preniya s grekami: s. 327–359.
6. Belokurov S. A. Startsa Arseniya Sukhanova «Stateinyi spisok» i «Preniya s grekami o vere». [Vkl'yucheny «O chinekh grecheskikh vkrtatse», chelobitnye, otpiski i proch.] M.: Sinodal'naya tipografiya. 1883. 69 s.
7. Belokurov S. A. Arsenii Sukhanov. Issledovanie. Chast' II. Vyp. 1. Sochineniya Arseniya Sukhanova. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1894. 372 s.
8. Shamin S. M. K voprosu o chastnom interese russkikh lyudei k inostrannoii presse v Rossii XVII stoletiya. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2007 g. № 2. S. 42–59.
9. Bogdanov A. P. Avtograf «Prenii s grekami o vere» Arseniya Sukhanova // Istochnikovedenie otechestvennoi istorii. Sbornik statei. 1989. M., 1989. S. 175–205.

10. Smorgunova E. M. «Preniya o vere» Arseniya Sukhanova v izlozhenii permskogo staroobryadcheskogo knizhnika // Traditsionnaya narodnaya kul'tura naseleniya Urala: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii. Perm', 1997. S. 162-167.
11. Arsenii Sukhanov. Preniya s grekami o vere, pervye avtorskie redaktsii. Avtograf, belovik s pravkoi. RGADA. F. 181. Sobranie MGAMID. Op. 1. № 659. L. 348-360.
12. Popov A. Izbornik slavyanskikh i russkikh sochinenii i statei, vnesennykh v khronografy russkoi redaktsii. M. : Tipografiya A.I. Mamontova i K^o, 1869, 551 s.
13. Arsenii Sukhanov. Chelobitnaya i otpiska v Posol'skii prikaz. RGADA. F. 52. 1649 g. № 22. JI. 1, 76.
14. Bogdanov A. P. Osnovy filigranovedeniya: istoriya, teoriya, praktika. M. : Editorial URSS, 1999, 335 s.
15. Bogdanov A. P. Moskovskaya publitsistika poslednei chetverti XVII veka. M. : Institut rossiiskoi istorii RAN, 2001. 492 s.
16. Bogdanov A. P. Stikh torzhestva: rozhdenie russkoi ody, poslednyaya chetvert' XVII – nachalo XVIII veka. Ch. 1-2. M. : Institut rossiiskoi istorii RAN, 2012. 676 s